

— доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина».

**«ПОСТОЯННЫЙ
И МУЧИТЕЛЬНЫЙ
СОБЕСЕДНИК»:
Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ
ГЛАЗАМИ И.А. БУНИНА**

Высвечивая страницы жизни и творчества великого русского писателя-нобелиата И.А. Бунина, закономерно одновременно обратиться к творчеству другого великого русского писателя, юбилей которого (200 лет со дня рождения) отмечается в 2021 году, — Ф.М. Достоевского.

В название статьи вынесены слова Ю.М. Ломана, поразительно точ-

но передающие характер отношения Бунина к его великому предшественнику, с которым на протяжении своей жизни он вел непрекращающийся полемический диалог: «постоянный и мучительный собеседник»¹.

В контексте Серебряного века начинается мифологизация авторской личности Достоевского и его героев. Создается «миф Достоевского», писатель начинает рассматриваться как предтеча «нового религиозного сознания». Творчеству Достоевского посвящают научные работы крупнейшие русские писатели и религиозные философы этого времени: В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, С.Н. Булгаков, Вяч.И. Иванов, Н.А. Бердяев и многие другие. Любопытно, что в это время символист Андрей Белый в статье «Достоевский» (1906) призывает бороться с наметившимся в символистской среде «обожествлением» Достоевского.

«Бесспорными» именами Бунин считал имена Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского, А.П. Чехова, В.Г. Короленко. В бунинской прозе явственно выражено «присутствие» любимых им писателей, в частности, Толстого и Чехова. К последнему он относился не только с уважением, но и благодарностью, и свой очерк о Чехове создавал в последний год жизни (опубликован после смерти писателя усилиями В.Н. Муромцевой-Буниной). Во вступлении к вышедшей в 1955 году в Нью-Йорке книге она подчеркивала: «В бессонные ночи Иван Алексеевич, — в последний год жизни он почти лишил-

ся сна, — делал заметки на обрывках бумаги, иногда даже на папиросных коробках, — вспоминал беседы с Чеховым»².

В отличие от Чехова и Толстого, пристрастно и достаточно неприязненно Бунин относился к творчеству Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского: возможно, подобное отношение во многом объясняется другой, монологической, природой его художественного метода. Однако, относясь к Достоевскому неоднозначно и сложно, Бунин при этом отчетливо понимал его значение.

Бунину, писателю строгой и сдержанной творческой манеры, сюжеты Достоевского представлялись во многом надуманными, характеры героев — истеричными, а поведение их — псевдосентиментальным. Литературно-критические взгляды Бунина можно выразить определением — «противостояние общему потоку». Выше всего ценящий в искусстве искренность и простоту, он, по свидетельству Г.В. Адамовича, не принимал «всякую взвинченность, всякое чрезмерное нажимание педали»³, — то, что он видел в творчестве Достоевского. Характерно, что Адамович особо указывает при этом на «единственность» в этом плане Бунина: «По-видимому, единственный из своих сверстников и современников»⁴.

О.Н. Михайлов — наиболее известный и авторитетный буниновед — чрезвычайно точно сформулировал творческое кредо Бунина, всегда отличавшегося «редким бесстрашием, независимостью суждений»: «Требую от искусства глубины жизненного содержания, естественности и простоты,

он, не колеблясь, отвергает любые имена (курсив наш. — Т.С.), коль скоро в их произведениях (как ему кажется) серьезная попытка осмыслить мир подменяется игрою в глубокомыслие, следованием моде, формалистическими ухищрениями»⁵.

Немаловажную роль в отношении Бунина к Достоевскому сыграло и то, что последний, по убеждению Бунина, являлся «крестным отцом» яростно отвергаемого им русского литературного модернизма. Не принимавший «выкрутасы» модернистов и называвший их творчество сплошной «Вальпургиевой ночью» русской литературы (речь Бунина на юбилее газеты «Русские ведомости»), он не мог «простить» Достоевскому, говоря современным языком, гиперэмоциональности его героев, граничащей с саморазрушением человеческой личности.

Яростная полемика Бунина с модернистами (в частности, с символистами) — яркая страница литературы Серебряного века. Между тем Бунин нередко разрабатывал те же темы и мотивы, что и «нелюбимые» им символисты и акмеисты: темы трагической любви и смерти, слепого рока, мотив творчества как смертельно опасного занятия («Волшебная скрипка» Н.С. Гумилева). При всем неприятии Буниным модернизма сам он никогда не считал себя «чистым реалистом». «Лирический натурализм» его прозы позволяет говорить о синтетической природе бунинского творческого метода, о многогранности его художественного мира, и здесь любопытны наблюдения Л.К. Долгополова над

природой бунинской образности, которую он справедливо определял не только как мифологическую, но и как символическую.

Проблеме «Бунин — Достоевский» уделял особое внимание Ю.М. Лотман, обративший внимание на раздражавшую Бунина чуждую ему стилистическую манеру Достоевского, вторгавшегося на его, бунинскую, «литературную территорию»: «Темы иррациональности страстей, любви-ненависти, трагического иллюгизма страсти Бунин считал “своими”, и тем более его раздражала чужая для него стилистическая манера. Достоевский для него был чужой дом на своей земле»⁶.

С другой стороны, немаловажную роль здесь играло и то, что произведения Достоевского утверждали в русской литературе «дух Петербурга», в то время как Бунин был убежден в том, что именно его родные места (Курск, Орел, Тула, Рязань, Воронеж) дали ей не только великих писателей, но сформировали саму основу русского литературного языка («битва» Бунина с Достоевским «длиною в жизнь»)⁷.

Переключку с Достоевским можно увидеть в таких произведениях Бунина, как повести «Деревня» (1910), «Суходол» (1912), рассказы «Я все молчу» (1913), «Петлистые уши» (1916), «Дело корнета Елагина» (1925) и др. Иные исследователи называют рассказ «Петлистые уши» «“переписанный” Достоевский»⁸.

Рассказ «Петлистые уши» не просто отсылает к прозе Достоевского:

он полемичен по отношению к нему. На полемику Бунина с Достоевским («Преступление и наказание») и бунинский образ Петербурга 1910 годов («адский фон» рассказа)⁹ критика указывала сразу после публикации произведения. Ю.И. Айхенвальд, один из первых отметивший это, ставил Бунину в вину то, что он не показал, как это сделал в свое время Достоевский, «раскаившегося» героя и таким образом не вписал свое произведение в гуманистическую традицию русской литературы.

Многие критики восприняли рассказ как «страшный» очерк современных нравов. Е.А. Колтоновская признавалась в письме Бунину от 27 января 1917 г.: «Сейчас все именно так и чувствуют... сейчас все очевидцы мировых событий уже пришли к одной точке — к тому ощущению жизни и человека, которым проникнут Ваш страшный рассказ... Вы зачерпнули от самой гущи переживаемых теперь ужасов и это придало его непреходящему содержанию особенную остроту»¹⁰.

Действительно, Адам Соколович, герой рассказа «Петлистые уши», убежденный во вседозволенности, страшнее Родиона Раскольников: в современном мире «убивают, ничуть не горячась, а убив, не только не мучаются, как принято это говорить, а напротив, приходят в норму, чувствуют облегчение <...>. И вообще пора бросить эту сказку о муках совести, об ужасах, будто бы преследующих убийц»¹¹.

Время Бунина страшнее времени, в котором жили Достоевский

и его герои: преступники не ощущают себя таковыми, становятся нормой геноцид и убийство целых народов: «турки зарезали еще сто тысяч армян, <...> немцы отравляют колодцы чумными бактериями, <...> окопы завалены гниющими трупами, <...> военные авиаторы сбрасывают бомбы в Назарет»¹².

К прозе и мемуарам Достоевского Бунин обращается в книге «Окаянные дни»: анализ истоков русской революции невозможен без пророческих «Бесов» Достоевского, и Бунин цитирует, кроме того, его «Дневник писателя». Если «Петлистые уши» — предощущение катастрофы, то «Окаянные дни» — констатация сбывшегося пророчества.

Немало «достоевщины» было и в личной жизни Буниных периода эмиграции, связанной с присутствием в их семье Г.Н. Кузнецовой (11 августа 1935 года В.Н. Муромцева-Бунина запишет в дневнике: «Пребывание Гали в нашем доме было от лукавого»), но это, как говорится, совсем другая история...

В заключение отметим: при всем неприязненном отношении к своему предшественнику Бунин хорошо понимал мировое значение его творчества. В частности, в одной из бесед с юным тогда В.П. Катаевым писатель сформулировал новаторскую для того времени мысль: «Может быть, он (Достоевский. — Т.С.) первый в мире заговорил о потерянном поколении»¹³.

Примечания:

1 Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский») // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: «Александра», 1993. Т. 3. С. 184.

2 Бунин И.А. О Чехове. Незаконченная рукопись. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 29.

3 Адамович Г.В. Бунин; Еще о Буине. По поводу «Воспоминаний»; «Освобождение Толстого» // Адамович Г.В. Одиночество и свобода. СПб., 1993. С. 45.

4 Там же.

5 Лишь слову жизнь дана: Дневники 1881—1953 гг. Окаянные дни / Сост., вступ. ст. и примеч. О.Н. Михайлова. М.: Советская Россия, 1990. С. 5.

6 Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина (К проблеме «Бунин и Достоевский»). С. 172.

7 Там же. С. 183.

8 Качков И.А., Ползунова Ю.С., Черноскутова Н.Д., Пращерук Н.В. «Переписанный» Достоевский: о хронотопе и цветовой символике рассказа И.А. Бунина «Петлистые уши» // Трижды юбилейный...: Сб. статей. Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 274-279.

9 Бунин И.А. Письма 1905—1919 годов / Подгот. текстов писем и коммент. С.Н. Морозова и др.; под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 389.

10 Там же. С. 745.

11 Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова и др. М.: Художественная литература, 1966. Т. 4. С. 389.

12 Там же. С. 391.

13 Катаев В.П. Трава забвенья. Алмазный мой венец // [Режим доступа:] <https://www.livelib.ru/quote/475397-trava-zabvenya-valentin-kataev> (дата обращения 15.07.2021).